

Научная статья

УДК 331

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-1-134-141>**Борьба с коррупцией в современной России:
о возможности использования зарубежного опыта****Шаутаева Гульнара Хасановна¹, Шаутаева Раузат Хасановна²**¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, shautaeva@list.ru²Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, shautaeva@mail.ru**Аннотация**

В свете основных закономерностей развития коррупции и борьбы с ней в современном мире рассмотрены возможности применения зарубежного опыта для использования в правоохранительной деятельности в данной сфере для современной России. Обращено особое внимание на необходимость гармоничного сочетания современных методов социального управления и возможностей, предоставляемых развитием информационных технологий.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, социальная инженерия, информационные технологии

Для цитирования

Шаутаева Г. Х., Шаутаева Р. Х. Борьба с коррупцией в современной России: о возможности использования зарубежного опыта // На страже экономики. 2023. № 1 (24). С. 134—141. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-1-134-141>.

Original article

**The fight against corruption in modern Russia:
on the possibility of using foreign experience****Gulnara Kh. Shautayeva¹, Rauzat Kh. Shautayeva²**¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, shautaeva@list.ru²Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, shautaeva@mail.ru**Abstract**

In the light of the main regularities of the development of corruption and the fight against it in the modern world, the possibilities of applying foreign experience for use in law enforcement in this area for modern Russia are considered. Particular attention is paid to the need for a harmonious combination of modern methods of social management and opportunities provided by the development of information technologies.

Keywords: fight against corruption, social engineering, information technology

© Шаутаева Г. Х., Шаутаева Р. Х., 2023

For citation

Shautayeva G. Kh., Shautayeva R. Kh. The fight against corruption in modern Russia: on the possibility of using foreign experience. *The Economy under Guard*, 2023, no. 1 (24), pp. 134—141. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-1-134-141>.

Коррупция как негативное социальное явление продолжает оказывать пагубное влияние и на экономику России, и на общественную жизнь в целом.

В ходе анализа имеющихся статистических данных за период январь — июль 2022 года и за аналогичный период прошлых лет был выявлен рост коррупционных преступлений в России как в целом, так и по отдельным видам преступлений, например, дача взятки (ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

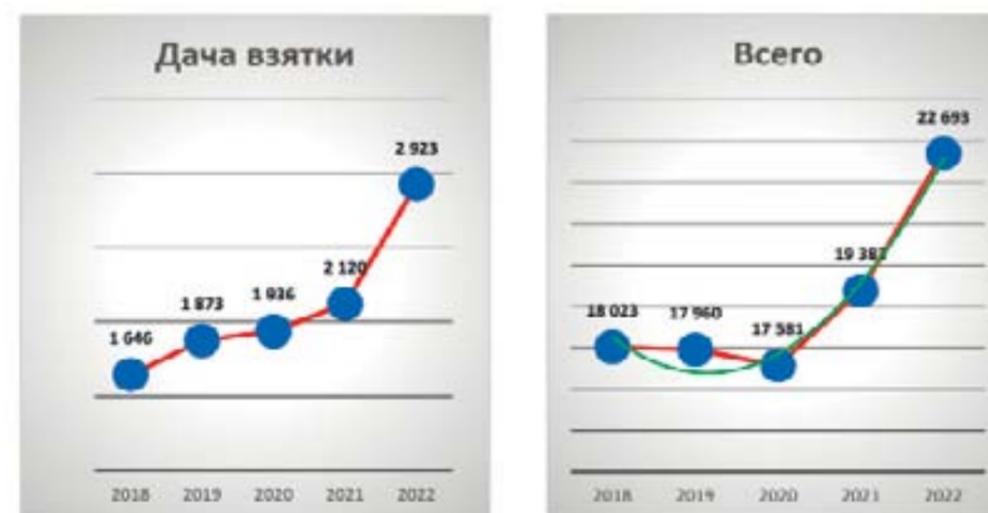

Рис. 1. Сведения о предварительно расследованных преступлениях коррупционной направленности

Fig 1. Information on pre-investigated corruption crimes

Так, за семь месяцев 2021 года, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, число расследованных коррупционных преступлений возросло на 16,5 %, при этом материальный ущерб составил порядка 40 млрд рублей, сумма возмещенного ущерба, хотя и возросла с 3,5 млрд до 9,9 млрд рублей, но по-прежнему почти на порядок меньше суммы причиненного ущерба [2].

В 2022 году (здесь и далее — в период с января по июль включительно) зарегистрировано 24,5 тыс. преступлений, что стало максимумом за восемь лет, как было отмечено Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Около половины из них (12,1 тыс.) пришлось на взятки. По данным ведомства, с начала года число взяток выросло на 27,4 % [3].

За 2021 год (здесь и далее — в период с января по июль) по фактам дачи и получения взятки или коммерческого подкупа обвинительные приговоры в общей сложности вынесены в отношении 8 721 человека (что на четверть боль-

ше, чем в 2020 году), оправдано судами 45 человек (почти вдвое меньше, чем годом ранее). При этом наиболее распространенным размером взятки было от 10 до 50 тыс. рублей: такая денежная сумма фигурировала в делах почти трети осужденных (2 479 человек). Таким образом, наиболее заметно возросло число преступлений по фактам получения небольших сумм взяток (до 10 тыс. руб.). В 2021 году за дачу взятки было осуждено 1 816 человек, и это на 40 % больше, чем за аналогичный период годом ранее. В то же время количество выявленных преступлений, связанных с дачей взятки в размере более млн рублей, в 2021 году, по сравнению с 2020 годом, выросло всего на 10 % (число осужденных составило 263 человека).

Следует отметить, что существенная часть выявленных преступлений характеризуется со стороны взятчиков расширением спектра способов совершения противоправных деяний, что еще раз ставит вопрос о разработке более совершенных критериев выявления и квалификации такого рода преступлений. За оказание и получение услуг неимущественного характера привлекли к уголовной ответственности в 2021 году в общей сложности 2 478 человек.

К реальному лишению свободы приговорили 794 взяточника, то есть только каждого десятого. Еще 1 397 человек осудили условно, а 3 240 человек отделались штрафом [3]. На наш взгляд, такой подход к наказанию преступников нуждается в корректировке, следует исключить даже гипотетическую возможность за выявленную взятку расплачиваться средствами, полученными при неустановленных или недоказанных обстоятельствах.

Можно сделать вывод, что объем коррупционных преступлений растет, а их выявление, особенно наиболее общественно опасных, совершаемых в крупных и особо крупных размерах, привлечение лиц к соразмерной уголовной ответственности остается актуальным.

Все это свидетельствует о необходимости совершенствования антикоррупционного законодательства и повышения эффективности правоохранительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией.

Так, 16 августа 2021 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы. В плане определены основные проблемы, подлежащие решению, названы основные направления антикоррупционной деятельности, а также указаны дополнительные меры, которые следует осуществить для решения поставленных задач (например, дано поручение о совершенствовании порядка представления деклараций о доходах чиновников, внесены предложения по запрету занимать государственные должности для тех, кто привлекался к ответственности за совершение коррупционного преступления, и другие).

На наш взгляд, успешное выполнение данного плана может быть обусловлено, в том числе с учетом опыта иных стран в построении концептуальных основ правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере.

Борьба с коррупцией в мире все более и более рассматривается в контексте решения более общей задачи социального управления — «освоение» обществом, то есть взятие им под контроль комплекса до настоящего времени отчужденных общественных отношений, элементами которого выступают капитал и товарно-денежные отношения вообще.

Конкретное содержание современного этапа — редуцирование экономики к организации, что уже практикует у себя любая крупная корпорация, постепенное распространение этой тенденции на все общество, с одной стороны, и расширение социальной базы субъектов, привлекаемых к борьбе с коррупцией, с другой.

Необходимые для этого предпосылки:

— согласование интересов различных участников процесса, выработка общего идеала и постановка на этой основе совместных целей;

— разработка и повсеместное применение соответствующих технологий управления [1, с. 70].

Материальную базу для решения указанных задач создают именно информационные технологии и системы искусственного интеллекта (далее — СИИ) в первую очередь. В качестве основного способа сокращения коррупционных нарушений многими экспертами выделяется совершенствование и развитие именно цифровых технологий, для которого потребуются формирование новой «экосистемы» взаимодействия государства и общества [5, с. 77].

Возможные сферы применения информационных технологий прежде всего систем искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в современном мире видятся следующими:

— разработка оптимизированных многовариантных, гибких планов, программ и проектов;

— конструирование наиболее подходящего субъекта их реализации, организация взаимодействия в режиме реального времени элементов его составляющих;

— согласование нормативной документации (системы автоматического проектирования таковой);

— выявление и анализ уязвимостей их реализации и оценка защищенности от воздействия объективных и субъективных неблагоприятных факторов;

— разработка критериев оценки эффективности исполнения; мониторинг фактического исполнения; разработка и доведение до исполнителей необходимых корректив [5, с. 84—86].

Инструменты информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) активно используются в таких странах, как США, КНР, Республика Корея, Сингапур, Финляндия, Грузия, Эстония и другие.

Например, в Австрии впервые в Европе была разработана и широко применяется методика сбора информации о случаях коррупции с использованием анонимных веб-сайтов. Эта методика в последние годы нашла применение и в других странах Евросоюза.

В России на официальных сайтах каждого министерства также существуют определенные разделы, через которые граждане могут сообщить о неправомερных коррупционных действиях, однако применение австрийского опыта предполагает существенное совершенствование методики мониторинга и оперативной (следственной) проверки поступающей информации.

Современные информационные технологии предоставляют широкие возможности для более эффективного и своевременного выявления и реагирования на возникающие вопросы в части коррупционной преступности и борьбы с ней.

Так, например, в Республике Корея уже с 1999 года примерно за 10 лет до внедрения аналогичной в России существует общедоступная программа,

предоставляющая гражданам возможность контролировать ход исполнения своих обращений в государственные органы (“платформа *OPEN*”), используемая в том числе и для выявления фактов совершения коррупционных правонарушений.

Многие страны широко используют возможности систем искусственного интеллекта (СИИ) для выявления коррупционных правонарушений, такие как *Big Data (BD)* для анализа и обработки больших объемов, в том числе — неструктурированных и неформализованных данных, различные алгоритмы перекрестного интеллектуального анализа и верификации отчетных документов хозяйствующих субъектов всех форм собственности, а также широко применяют системы электронного слежения за доходами, расходами, и в целом за образом жизни государственных служащих и членов их семей.

Особого внимания заслуживает опыт Китайской Народной Республики. В КНР в рамках реализации государственной программы в 2012 году была разработана и запущена в действие специализированная система искусственного интеллекта *ZeroTrust*. Система имеет доступ к ста пятидесяти базам данных о работе, социальной жизни чиновников, в том числе об их расходах, о ходе реализации бюджета и государственных экономических и социальных программ, а также оперативный доступ к информации, передаваемой по системам спутниковой связи [7, с. 57].

Эта система в период с 2012 по 2017 год позволила выявить около девяти тысяч госслужащих различного уровня, являющихся коррупционерами [8, с. 116].

Однако в 2017 году было признано, что данная система не может в полной мере обеспечивать выполнение задач в части борьбы с коррупцией.

Эта система, во-первых, позволяла получить ориентирующую оперативно значимую информацию (например, выявить несоответствие и указать на совпадения), однако применительно к конкретному госслужащему в соответствии с нормами уголовно-процессуального права приходилось тратить значительные силы и средства на проверку полученной информации, придание ей доказательной силы. Кроме того, система выявляла именно отдельные, требующие дальнейшей проверки факты, но могла вскрыть их систему (это выходит за рамки технических возможностей современных СИИ). Но, как это не парадоксально, система не прижилась, так как показала себя слишком эффективной. Наконец, она позволяла активизировать борьбу с проявлениями коррупции, но ничем не могла помочь в искоренении ее как явления иначе, как несколько повышая для коррупционера риск быть изобличенным.

Поэтому примерно с 2017 года упомянутая система была дополнена и расширена, точнее — стала подсистемой системы более глобальной, получившей название «система социального доверия» и иначе именуемая «система социального рейтинга». При этом выявление и реагирование на коррупционные проявления стали рассматриваться как предельный случай более общей задачи — ранней профилактики преступности, а последняя, в свою очередь, как часть общей работы по вовлечению широких масс людей в активную социальную жизнь и повышения степени самоуправляемости китайского общества.

Следует отметить, что эффективность данной системы была подтверждена, в частности тем, что в период с 2012 по 2017 год примерно каждые 150 миллионов

человек в Китае подверглись административному наказанию по причине низкого рейтинга в связи с коррупционным поведением. Но гораздо большую ценность эта система получает в качестве положительного мотиватора, дающего возможность получить моральные и материальные блага за положительную оценку твоей деятельности тех, кто осведомлен или может быть осведомлен о ней.

Действует правило: чем более высокопоставленному лицу дается оценка, тем большее число респондентов должно быть привлечено. Предполагается, что массовый охват лиц, выставяющих социальную оценку, дает достаточную гарантию от случайностей, вызванных, например, личной недоброжелательностью.

Для государственных служащих, добросовестно, по мнению потребителей результатов их работы, выполняющих свои обязанности, вводится ряд поощрений, например, в части продолжительности отпуска, доступа, в том числе бесплатного, к ряду социальных услуг — медицинских, образовательных и так далее, предоставление иных преференций. Разумеется, результаты социального рейтинга учитываются при решении вопроса о карьерном росте [9, с. 57].

Изначально предполагалось и эта позиция последовательно осуществляется, что инструментом для создания системы социальных рейтингов может быть только комплекс современных информационных и коммуникационных технологий. В частности, в рамках указанной системы СИИ *ZeroTrust* была доработана и теперь более сориентирована на выявление комплексной оперативно значимой информации, например, о формировании групп или кланов чиновников, сфер их интереса, каналов общения и так далее.

Однако, несмотря на достигнутые конкретные результаты, оценка данной системы, в том числе и в самом Китае, неоднозначна. Указывается, что в зависимости от контекста данная программа может стать и действенным инструментом прогрессивного саморазвития общества, и инструментом установления тоталитарной диктатуры в духе худших из антиутопий. А контекст этот зависит от общей направленности проекта будущего, принятого в социуме, который и в Китае, и, заметим, в России в настоящее время определен недостаточно четко.

Поэтому опыт функционирования действующей в Китае системы социального рейтинга может быть использован для совершенствования мер антикоррупционной полиции России, но только по итогам детальной проработки и адаптации в условиях нашей страны, учитывая национальные особенности, воспитание, культуру и менталитет граждан.

В свете изложенного выше, с точки зрения совершенствования деятельности российских органов внутренних дел в части борьбы с коррупцией основными проблемами представляются:

— отсутствие внятной, отрефлексированной обществом конкретной цели в противодействии коррупции;

— отсутствие ясных критериев эффективности деятельности органов внутренних дел в борьбе с коррупцией (отметим, что эта проблема тесно связана с предыдущей, можно сказать, ею обусловлена);

— неготовность использования современных информационных технологий, в том числе систем искусственного интеллекта, для решения этих проблем, неготовность не столько техническая, сколько психологическая и общесоциальная.

Устранение этих недостатков должно стать первым шагом к преобразованию феномена противодействия коррупции, как он есть сейчас, в осмысленный и имеющий шансы на успех процесс.

По результатам анализа опыта использования информационно-коммуникационных технологий для противодействия совершению преступлений коррупционной направленности, можно сделать вывод, что сами технологии, во-первых, требуют создания обширной сопутствующей инженерной и социальной инфраструктуры, например, развития и совершенствования нормативно-правовой базы, во-вторых, являются не более чем инструментом, предполагающим определенный уровень мотивации и профессиональной подготовки как лиц и институтов, им пользующихся, так и общества в целом.

Более того, успешное применение информационных технологий в части борьбы с коррупцией, создавая предпосылки для решения гораздо более общих социальных и экономических задач, одновременно возможно только в контексте решения таковых задач, в частности преодоления противодействия тех, кто не заинтересован в таком ходе развития.

Безусловно, что пользоваться всеми преимуществами научно-технического прогресса можно лишь при соблюдении следующих условий: наличие необходимых инфраструктур, ресурсов, положений и законодательной базы, квалифицированного персонала.

Однако можно с уверенностью утверждать, что применение апробированных за рубежом систем (или их отдельных элементов) позволит повысить степень прозрачности о деятельности государственных и муниципальных органов, что, несомненно, будет способствовать минимизации совершения коррупционных преступлений.

Список источников

1. Морозов О. Л., Корелов О. А. Основные закономерности развития экономики на современном этапе // На страже экономики. 2022. № 3 (22). С. 56—64.
2. Состояние преступности в России (за январь—июль 2021 года): ежемесячный сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Коррупция в России: цифры и факты. URL: <http://crimestat.ru/analytics/2022/07> (дата обращения: 20.12.2022).
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5326951?ysclid=19y62ivgi1704658608> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Мереди Бруссард. Искусственный интеллект. Пределы возможного. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. 174 с.
6. Кислый О. А. Коррупция как реальная угроза национальной безопасности // Закон и право. 2017. № 12. С. 28—30.
7. Савин П. Т. Противодействие коррупции в Китае: история и современность // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 20 (102). С. 55—63.
8. Байдуллаев В. В. Институциональный анализ коррупции // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2. С. 114—118.
9. Корелов О. А., Морозов О. Л. Особенности обеспечения безопасности в современном мире // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 66—73.

References

1. Morozov O. L., Korelov O. A. Main patterns of economic development at the present stage. *The Economy under Guard*, 2022, no. 3 (22), pp. 56—64. (In Russ.)
2. The state of crime in Russia (for January—July 2021): monthly collection of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed 20.12.2022). (In Russ.)
3. Corruption in Russia: figures and facts. URL: <http://crimestat.ru/analytics/2022/07> (accessed 20.12.2022). (In Russ.)
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5326951?ysclid=19y62ivgi1704658608> (accessed 20.12.2022). (In Russ.)
5. Meredith Broussard. Artificial intelligence. Limits of the possible. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2020. 174 p. (In Russ.)
6. Kisly O. A. Corruption as a real threat to national security. *Law and Law*, 2017, no. 12, pp. 28—30. (In Russ.)
7. Savin P. T. Anti-corruption in China: history and modernity. *Problems of modern science and education*, 2020, no. 20 (102), pp. 55—63. (In Russ.)
8. Baidullaev V. V. Institutional analysis of corruption. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*, 2018, no. 2, pp. 114—118. (In Russ.)
9. Korelov O. A., Morozov O. L. Features of security in the modern world. *The Economy under Guard*, 2020, no. 2 (13), pp. 66—73. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

Г. Х. Шаутаева — кандидат юридических наук, доцент

G. Kh. Shautayeva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Р. Х. Шаутаева — без ученой степени

R. Kh. Shautayeva — no academic degree

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 05.03.2023.